

Олег ГУБАРЬ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАНС

Мой первый гонорар

Одесский оперный сыграл в моей творческой клинической биографии довольно заметную роль, причем на хронологически разоборщенных этапах. Начну с того, что именно здесь я получил первый в своей жизни гонорар. Это было не вполне обычно, в особенности в эпоху категорического запрета на эксплуатацию детского труда. Оный сюжет, таким образом, вполне заслуживает внимания общественности.

Дело было так. Летом 1959 года я сдавал экзамены в пользующуюся тогда невероятным, прямо-таки всесоюзным престижем школу имени профессора Столярского. Экзамены принимали в два круга, иной раз по-иезуитски. Так, я (с диагнозом "абсолютный слух", независимым поставленным не кем-нибудь, а Пигровым и Мордковичем-старшим), получил все пятерки и одну тройку. Тройка эта (гоголевская птица-тройка?) была мне выставлена "за эмоциональность". Что это за музыкальная дисциплина такая, не совсем понимаю даже и теперь. А тогда мне не было шести, и я вел себя соответствующим образом, то есть по-советски раскованно. Так или иначе, а по конкурсу не прошел. И поскольку очень недурно пел, безвозмездно развлекал соседей, прохожих, киоскеров и пассажиров рейсовых автобусов, то вскоре меня привели повышать вокальную квалификацию в хор мальчишек Дворца пионеров, каковым руководила незабвенная Татьяна Азарьевна Кагель. Между прочим, аккомпаниатором нашим была очаровательная юная Мэри Анатольевна Вайс, ныне весьма известный и авторитетный хорейстер.

Да, так вот, мы обучались певческому мастерству, что называется, на полном серьезе. Репертуар был грандиозен. От "Желания" Шопена и хора из "Аиды" до "Слава великой, могучей партии нашей родной... Ленина знамя над Советскою державой ты водрузила крепкой рукою... и вдохновила на подвиг, ратный и трудовой". По всем пунктовым календарным дням наш хор служил подпевкой (была и подтанцовка, в отличие от нынешних — тоже пионерская), а истово солировали ведущие оперные солисты, преимущественно импозантные басы. Так что на оперных подмостках, где проходили утомительные предпраздничные репетиции, мы чувствовали себя вполне уверенно. Гонораров за оные дежурные дивертисменты, правда, не полагалось. Подрабатывали мы по более приятным поводам.

В начале 1960-х Одесская опера, насколько понимаю, не экономила ни на репертуаре, ни на реквизите, ни на музыкальных текстах. По крайней мере, вся оперная классика шла практически без купюр, по полной программе, при наличии даже трехстепенных сценических персонажей, со всеми пристегнутыми хореографическими номерами и т. п. По этой-то причине мы были всегда востребованы. Примерно в те же годы детские вокальные партии постоянно озвучивались в "Пиковой даме" и "Кармен". В первой — это был оригинальный хор солдатиков ("Мы все здесь собрались на страх врагам российским. Злой недруг, берегись и с помыслом злодейским иди и покорись. Ура! Ура! Ура!..") — в этом месте мы, по мере сил дружно, делали выпад с деревянными ружьями), а во второй — пародия на строевую солдатскую песню в исполнении уличных мальчишек, марширующих по мосту в авангарде сменяющегося караула ("Выправкой своей гордимся... Все в строю мы отличимся... Раз и два — шагай ровней!").

Господи, что это было за наслаждение, что за "восторг любви" — подбирать и подгонять по размеру ретроспективную военную амуницию! Семьи, восьмилетние, девятилетние пацаны, мы, в общем-то, мало чем отличались от севильских шалопаев-сверстников, каковых пытались изображать. Помню просторные штаны со штрипками из накрахмаленной белой фланели со множеством нелепых желтоватых пуговиц — таких же, какими некогда застегивались необъятные наволочки и несказанно поразившие воображение вожжировавшего по Союзу Жерара Филиппа бюстгалтеры отечественного производства. Этим пуговицам не было конца, дурацкий головной убор типа кокошника с екатерининским орлом на фасаде (см. фото в театральной костюмерной) то и дело норовил спорхнуть с башки, а тапочки типа чешек соскальзывали прямо

на сцене в виду огромного скопления заинтересованной публики.

За выступление полагалось материальное вознаграждение в один пореформенный рубль, что было совсем не мало. На такие деньги (!) можно было, например, купить одиннадцать порций сливочного мороженого и коробку спичек. Бутылка "шипучки" (легкого вина) стоила 97 копеек. А между тем паре лет спустя гонорар этот увеличили вдвое, и я отчетливо припоминаю, как мы с корешом путешествовали по сумеречным театральным переходам в поисках кассы, где получили изрядно накопившиеся суммы в шесть — восемь рублей. Тогда-то я и решил осуществить свою заветную мечту о приобретении оловянных солдатиков.

Собственно говоря, оловянными они были лишь номинально, так сказать, по старой памяти. Но дело не в этом. В Одессе толковых наборов тогда не продавалось. За железным воинством надлежало отправляться в столицу.

Мне повезло: мой отец-учитель как раз вез свой одиннадцатый класс в Москву на зимние каникулы и взял меня с собой. Так я очутился в знаменитом "Детском мире", где и приобрел вожделенные игрушки на собственные театральные гонорары. Папа мной очень гордился. Вероятно, эта одна из немногих радостей, какие я ему в жизни доставил.

В общем, солдатики вошли в мою жизнь прямо со сцены Одесского оперного. И это не забывается. Когда я общаюсь со своими друзьями, оперными вокалистами Натальей Ютеш, Алисой Джамагорцян, Ларисой Зуенко, Володей Носыревым, Степаном Давтяном, люблю похвалиться, что выступал в оперных спектаклях прежде не только их, но и всех других нынешних солистов. И это чистая правда.

Бюро пропусков

Эта курьезная история не делает мне чести, но все же расскажу. Собственно, она и без того предана гласности — когда-то мы с моим большим другом, Михаилом Пойзером, написали по этому поводу занятный текст. Вот резюме.

Был у Мишки разгильдяйский товарищ Митя, служивший фотографом на подмостках Потемкинской лестницы и насильственно снимавший припадочных экскурсантов из Средней Полосы. А у нас был как бы ритуал выходного дня. Утром мы с Михаилом направлялись на "сходняк" коллекционеров в парке Шевченко, а затем навещали Митю на его боевом посту, где нередко заводили полезные знакомства с наивными и одновременно недоверчивыми (парадокс, да и только!) приезжими девицами, болтали с ними, "прикалывались" и т. п. И вот однажды зацепили парочку — то ли из Костромы, то ли из Ярославля, не помню хорошо. Они нам: "Вот, одесситы все такие трепачи, одни розыгрыши у вас на уме". И все такое. Мишаня говорит: "Ну да, трепачи... Это все гнусные инсинуации. Да мы вас, если хотите знать, в оперный можем запустить". Они, конечно, не верят. Тогда самый сезон был. Разгар лета. Аншлаги. Билетов не достать. Время было другое: люди в театр ходили...

Короче, мы договорились встретиться у входа за полчаса до начала спектакля. По обыкновению отправились туда-сюда. Завершая трапезу в "Восточной кухне", вспомнили о нашем уговоре. Мишка говорит: "Надо подойти, раз они одесситов на шивовость проверяют". Мы и подошли. Девушки приятно удивились. А затем продолжали это делать безостановочно. Когда, например, услышали доверительную беседу с представительной дамой-швейцаром. "Фотографы на месте?" — уточнило и вместе многозначительно поинтересовался Мишка. "Как обычно, — отпартовала вахтерша, — на главной лестнице". Мишка озабоченно поморщился: "Их надо предупредить... Сегодня будет проверка..." Респектабельная дама изменилась в лице и моментально пропустила всю компанию.

Как мы водили северянок по театру — отдельная глава. Как они охали и ахали в виду всевозможных бронзовых изваяний, светильников, люстр и "сцены, с которой сам Чайковский дирижировал!" — не передавать словами. В общем, мы вывели на площадь совершенно деморализованные, эксклюзивно приватизированные милые и во все не погибшие создания.

"Да, — наконец выдохнула одна из них, — нам говорили, что одесситы сплошь баламуты и обманщики, а вы, оказывается, звезды с неба можете слямзить, если надо..." Мишка говорит: "Да это что... Да мы, если хотите знать, на пляж вам пропуск организуем". "???" "Как, вы не знаете?... Во-первых, только что холера была, во-вторых, погранзона: напротив же — Турция". Девушки смотрели на него во все глаза. "Но ничего, — продолжает Мишка, — мы вам все устроим. Яша поможет". И — после эффектной паузы: "Губарь, какой сегодня день?" "Воскресенье, естественно". "Так, значит, Яша выходной, где-нибудь шляется, вам его не застать. Стало быть, завтра к нему подойдете". Мишаня взял отрывной блокнот и написал записку следующего содержания: "Яша! Очень прошу тебя помочь 2-м (двум) нашим близким подругам из Костромы..." Девушки уточнили: "Из Ярославля". "...из Ярославля с разовыми пропусками на Ланжерон. Заранее благодарны", — и т. д. А на словах добавил: "Когда выйдете в Яшин двор и станете проходить мимо палисадника, вас непременно спросят, к кому вы идете. Отвечать не надо. Какое им дело, кто куда идет..."

"Турок в Италии"

В заголовке — название полузабытой оперы Россини. Лично я ее никогда не слышал целиком. Разве что — увертюру. Но в театре всегда чувствовал себя комфортнее, нежели оный турок в Италии или там кур в ощице. Всегда любил погружаться в бархатное брюхо кресла и медитировать под любимые музыкальные миниатюры (допустим, арию Жоржа Жермона в исполнении Глеба Дранова; администратором впоследствии он был нукудышным, а пел отменно). Здесь чувствовал себя защищенным от трамвайно-троллейбусного бешенства, переполненности советских очередей, назойливости несимпатичных встречных-поперечных. В Оперу можно было культурно выпивать. Но впоследствии спиртное почему-то исчезло из буфета, взамен чего появились мужские балеты, вечера с шампанским, Малининым и прочими клюквами.

В те еще (доантиалкогольные) годы Евгений Михайлович Голубовский, заведовавший отделом культуры в "Вечерней Одессе", проводил меня на подвиг ретроспективных разысканий об Оперу, что стало делом вполне увлекательным. В летописи театра, помимо чисто познавательных сюжетов (скажем, состав труппы, репертуар пушкинских времен и т. д. — о чем я даже написал книжку), нашлось много занятного, идеально подходящего для рубрики "Нарочно не придумаешь". Именно такие курьезы придадут быту, в том числе — оперному, живой вкус и аромат, именно они составляют те мелочи, из которых, собственно, и складывается наша жизнь.

Помню, как поразила меня информация о том, что первые оперные спектакли шли в хлебных амбарах, музыкальное сопровождение осуществлялось полковыми оркестрами, а в роли статистов выступали нижние чины местного гарнизона. Если наш театр и дальше будет финансироваться в том же режиме, то рано или поздно его руководству точно придется обратиться за помощью в красносзнаменный военный округ.

Однажды театральные статисты пожаловались "золотой молодежи", что режиссер им недоплачивает, и первые заменили последних на сцене. Давалась шекспировская "Буря". И когда за кулисами во всю мощь загредел гром, темно-синий холст, накрывавший статистов и изображавший море, оставался неподвижным. Разгневанный режиссер принял подавать "статистам" знаки. "Прибавьте гривенник!" — потребовали "волны". "Довольно с вас алтына!" — стал торговаться режиссер. Но "море" оставалось штилем. "Ладно, пятак!" "Море" слабо заколебалось. "Еще алтын", — накинул скряга. "Волны" еще несколько приподнялись. Публика засвистела и зашикала. "Черт с вами, гривенник!" — ахнул режиссер. "И море забурлило и заволновалось, пока, — как свидетельствует репортер, — не лопнул холст и все 15 "статистов" предстали перед ошеломленной публикой".

В ходе другого спектакля, благотворительного, в котором принимал участие один из городских мировых судей, другое действующее лицо должно было назвать миро-

вого судью дураком. "Когда это слово было произнесено, сидевший в публике судебный пристав громко сказал: "Да, он действительно дурак — совершеннейшая правда!" Развернулись прения между самодеятельными актерами и залом. Мнения разошлись. И тогда один из "светских саблезвонов" подытожил: "О герое нашего спора в Одессе ходит следующая притча. Одни говорят: "Вот — человек глупый, судя по выражению его лица". А другие парируют: "Внешность обманчива: на самом деле он гораздо глупее, чем выглядит".

Театральными биноклями бравые одесситы злоупотребляли не только в Оперу. Но этот повышенный интерес к невинному пляжному эксгибиционизму не остался без комментариев вездесущих репортеров. "По 117-й статье установлений о наказаниях, налагаемых мировыми судьями за ношение запрещенного оружия в местах, где это запрещено (а в купальнях, если это не запрещено, то должно быть запрещено), виновные подвергаются денежному взысканию до 25 рублей и отобранию запрещенного оружия. А хотя в 117-й статье ничего не говорится об оптических оружиях, не знаю, что скажут юристы".

Теперь — пару приколов из нового и новейшего времени. Мой друг Володя Носырев, тогда еще студент консерватории, когда-то очень бойко дебютировал в роли Петра Первого в одноименной опере А. Петрова. По ходу действия полагалось осушить кубок "Большого Орла" (чуть ли не 750 г), в который старожилы труппы, естественно, налили водку. Выходка была бы вполне невинной, если бы вместимости кубка оказалась поменьше, как и сама сложная вокальная партия. Володя ухитрился успешно довести дело до финала. После блистательной премьеры знаменитый дирижер поточески обнял Носырева и тут же учуял то скливаемый и отчетливый запах: "Вы что это себе позволяете?!" "Как видите, позволю, — в сердцах выдал Вовка, — поскольку коллеги добрые, напоили на шару". И уныло побрел прочь.

А то однажды кто-то по тому же поводу тормознул Онегина в театральном буфете. Ленскому пришлось дважды спеть свою хрестоматийную арию — не помогло. Тогда Зарецкий вместо "Теперь сходитесь" выдал: "Теперь держитесь". Но поскольку Евгения не предвиделось категорически, Ленский остроумно застрелился.

Зима, крестьянин...

Помню холодную скудную зиму десятилетней давности. В театре было как-то по-особому безрадостно, сумеречно. Хотя давали чудную классическую оперу-буфф Доменико Чимарозы "Тайный брак". Причем в лучшем составе: Макаров, Красных, Носырев, Джамагорцян, покойная Глинкина... Я притащил на спектакль веселых друзей и подруг. Мы устроились в ложе первого яруса или бельэтажа, прямо над сценой. Холод в зале, где обитали (в партере), помимо нас... лишь восемь — десять зрителей, царил невероятный. По ходу спектакля — Володя как раз исполнял арию Джеронио "Вчера ты робкий тенор, а завтра — грозный бас..." — где-то под самым куполом, буквально в окрестностях "шекспировских фресок", пронзительно завyla собака, неизвестными путями пробравшаяся на галерку. Комедия, да и только...

Трудно объяснить, но солисты выкладывались в полную силу, в удовольствие, с каким-то неистовым куражом. Для поддержания духа и положительной температуры конечностей мы глотали "Столичную", сфальсифицированную народными умельцами с Раскидайловской и Ризовской. Аплодировали неистово. Под занавес орали дурными голосами: "Браво, Алиса!", "Браво, Ася!", "Браво, Володя!" В другой раз нас бы просто выставили из зала аристократически безупречные билетерши, чуть ли не "из былых". Этот неистовый и безлюдный спектакль мне запомнился надолго. Как впоследствии оказалось, не мне одному...

Я благодарен Оперу за впечатления, за благородство, за обретенных друзей. За "счастливое детство" — тоже не вождям и партии, а ей, любимой. За первый гонорар. За солдатиков, и не только оловянных. За девушку из Костромы и Ярославля...

Думаю, она переживет эту временную неустойчивость и неприкаянность. Желательно, правда, чтобы и мы успели пережить с ней это и вписаться в новую благополучную реальность.

Остается заключить этот сумбурный романс заключительной строкой из моей старой книжки "Пушкин. Театр. Одесса".

Так быть же по сему!

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____ газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.